

Катаклизмы в России в свете теории катастроф

Процессы, разворачивающиеся сегодня в России, никого не могут оставить равнодушными. Не только обществоведы размышляют над ними. Свое видение сложившейся ситуации предлагают и представители естественно-научных дисциплин. Думается, представителям общественных наук было бы интересно познакомиться с анализом российского кризиса, сделанным с позиций одной из математических теорий. Особо хотелось бы отметить, что статья была написана до событий конца сентября — начала октября 1993 года. Обсуждение проблематики катастроф мы продолжим в следующих номерах.

Может ли нам помочь математика?

В течение последних десятилетий в результате нового витка НТР планетарная цивилизация обрела новое качество — резко возросла интенсивность экономических, коммуникационных, культурных, политических глобальных связей. Формируется информационное общество, укрепляется новое мышление, в основе которого лежит осознание единства человечества как общепланетарного социокультурного феномена. Но одновременно обостряется ряд внутренних противоречий, присущих техногенной цивилизации: между техносферой и окружающей средой, между развитыми странами и третьим миром, между стремлением к материальному обогащению и духовной культурой, и т. д.

Общее направление происходящих сегодня процессов верно угадал В. Вернадский, который еще более полувека тому назад писал: «Вопрос о плановой, единообразной деятельности для овладения природой и правильного определения богатств, связанный с сознанием единства и равенства всех людей, единства ноосферы, стал на очередь дня. Движение повернуто быть не может, но оно носит характер жестокой борьбы, которая, однако, опирается на глубокие корни стихийного геологического процесса»¹.

Однако переход ко все более эффективным и, соответственно, более сложным технологиям однозначно требует нового, более высокого уровня управляющих воздействий, способных обеспечить тонко дифференцированные и одновременно интегративные связи в системе общепланетарного социума. Из кибернетики и теории информации известно, что модель системы, обеспечивающая адекватный уровень обработки управляющей информации, должна быть организована не

¹ Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991, с. 144.

Лесков Л. В. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Академии космонавтики имени К. Э. Циолковского. Специалист в области космической философии.

менее сложно, чем сама система. В силу этой особенности эффективное сверхцентрализованное управление в современных условиях невозможно в принципе. Единственным выходом является переход к хорошо структурированной иерархии подсистем с эффективно функционирующими обратными связями.

Можно, таким образом, утверждать, что процесс ноосферизации, который и составляет основное содержание эволюции мировой цивилизации на современном этапе, неизбежно сопровождается нарастающим усложнением структуры информационных и управляющих подсистем, возникновением новых функциональных связей между ними. В результате происходит дальнейшее усложнение стратификации социальной структуры.

Общее свойство процессов ноосферизации я предложил назвать «принципом компликативности»². Одно из его следствий состоит в том, что резко возрастает возможная цена ошибочного выбора стратегического сценария развития как для цивилизации в целом, так и для отдельных регионов и стран. Можно думать, что основная причина гибели коммунистического строя состояла именно в невозможности выработать стратегический отклик, адекватный новым условиям НТР, оставаясь в рамках старой идеологии.

Сказанное имеет непосредственное отношение к дальнейшим судьбам России. Чтобы не допустить скатывания к окончательной катастрофе, одной из основных практических задач сегодня является максимальная мобилизация методологического инструментария современной науки с целью выработки оптимального стратегического сценария преодоления кризиса. В силу того, что в современных условиях явно возрастает роль субъективного фактора, одна из наиболее конкретных задач состоит в обеспечении разработки такой стратегии для лиц, принимающих решения, которая позволит минимизировать риск, обусловленный неполнотой исходной информации, давлением лоббирующих структур и иррациональными моментами.

В данной статье речь идет об использовании для этих целей главным образом методов теории катастроф — новейшего раздела математики, разработку которого некоторые специалисты ставят по важности в один ряд с созданием дифференциального и интегрального исчисления³. В отличие от традиционных методов математического анализа теория катастроф имеет дело не с гладкими, непрерывными структурами, а с качественными, скачкообразными изменениями. Именно такие скачкообразные переходы, возникающие в виде внезапного отклика системы на плавное изменение внешних условий, в математике и называют катастрофами (речь идет не о катастрофах в житейском понимании этого слова, т. е. о непоправимых, трагических авариях). То, что произошло с нашей страной, вполне укладывается в это определение.

Я вполне отдаю себе отчет в том, что попытки привлечь математические методы для анализа таких сложных систем, как человеческий социум, могут вызвать протестующую реакцию со стороны обществоведов. Предчувствуя это, я все же попросил бы не торопиться с осуждением. Ведь один из основоположников теории катастроф Р. Том первым обратил внимание на ее философское значение, а В. Арнольд образно назвал эту ее особенность мистикой теории катастроф. Перенос идейного потенциала этой теории в сферу социальных и экономических явлений, разумеется, не может дать полного ответа на актуальные проблемы, которые волнуют нас сегодня. Но такой подход все же помогает лучше разобраться в механизме глубинных процессов, определяющих реальный ход событий, и, соответственно, облегчает поиск оптимальных решений. Данный подход в своей основе эквивалентен гераклитовскому видению мира как театра борьбы между

² См. Л е с к о в Л. В. О построении теории ноосферы. <Труды XXVII научных чтений К.Э. Циолковского>. М., 1993.

³ См., например, Арнольд В. И. Теория катастроф. М., 1990; Постои Т, Стюарт й. Теория катастроф и ее приложения. М., 1980.

различными архетипами, или принципами. Это означает, что оказавшуюся в режиме катастрофы систему можно вывести из него только одним способом — опираясь на комплекс новых основополагающих архетипов.

Применительно к задаче, рассматриваемой в настоящей статье, это определяет следующую программу действий: сначала необходимо выявить систему архетипов, которые определяли функционирование «реального социализма», затем проанализировать причины постигшей его катастрофы и особенности переходного периода и, наконец, пользуясь идейными установками теории катастроф, уточнить архетипы-антагонисты нового устойчивого состояния и попытаться сформулировать рекомендации по способам выхода на это состояние.

Архетипы Советской России

Итак, первый вопрос, на который предстоит ответить, состоит в следующем: какие архетипы определяли функционирование общественно-политической системы, существовавшей в нашей стране три четверти столетия? Сторонники так называемого «научного социализма», отвечая на этот вопрос, формулируют «основной закон социализма»: «Производство в интересах повышения благосостояния и свободного всестороннего развития ассоциации трудящихся и каждого ее члена»⁴. Добавим и то, о чем авторы цитируемого — последнего в нашей стране — учебника по политэкономии социализма сказать постеснялись: первооткрывателем этого «закона» был И. Сталин. Обычно отмечают и другую закономерность, присущую социализму, — плановое ведение народного хозяйства. Что можно сказать по поводу этих закономерностей по существу? Как могло получиться, что возникший кризис развивался явно в полном противоречии с ними?

Для многих социализм означал торжество идеалов социальной справедливости, равенства, уверенности в завтрашнем дне. Именно на этом чувстве и играли открыватели «основного закона социализма». Но нельзя не признать: в чисто теоретическом плане они сделали это весьма небрежно. Подход, отождествляющий потребности духа и тела и абсолютизирующий их рост, совершенно справедливо критиковал еще С. Булгаков, называя его противонравственным и ошибочным⁵. Рост материальных потребностей, отмечал он, прогрессивен лишь в той мере, в какой он освобождает дух, способствует полному раскрытию творческого потенциала человека. Сегодня к этому необходимо добавить еще одно категорическое ограничение, вытекающее из экологического императива.

Но это в теории. Что же касается практики, то совершенно ясно: придуманный Сталиным «основной закон социализма» есть чисто бумажное изобретение, пропагандистский трюк, который никогда не имел ни малейшего отношения к действительности. А вот плановое ведение хозяйства действительно было. И другим оно быть не могло, потому что социалистическое государство являлось крупнейшей сверхмонополией, сосредоточившей в своем распоряжении практически все средства производства. Поэтому важно не то, что у нас был единый государственный план, а то, на какие цели он был ориентирован. И тут общий итог народнохозяйственной деятельности за годы пятилеток оказался весьма печальным. Мы имеем предельно милитаризованную экономику, разоренную природу, низкий уровень жизни населения.

Что же за система возникла в действительности под знаменами Ленина-Сталина? Вот красноречивое признание последнего генерального секретаря ЦК КПСС М. Горбачева: «Построенное нами никогда социализмом не было. Такой формации вообще не существует — это придуманная модель!»⁶. Конечно, такое признание показательное, хотя задолго до него на ошибочность теоретической

⁴ «Политическая экономия». М., 1988, с. 381.

⁵ См. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990, с. 284.

⁶ Михаил Горбачев в гостях у Егора Яковлева. «Общая газета», 1993, 21—27 мая. Здесь также хотелось бы сделать небольшое замечание по терминологии: согласно марксистской теории, такой формации действительно нет, социализм — это первая ступень коммунистической формации. Как видно, бывший генсек уже понемногу начинает забывать азбуку «единственно верного учения».

схемы Маркса указывали ее многочисленные критики, начиная с М. Бакунина, П. Струве, С. Булгакова, П. Новгородцева, Н. Бердяева, С. Франка и др.

Именно ошибочность исходных теоретических установок привела к тому, что, попытавшись в условиях грандиозной бифуркации перевести страну в новый установившийся режим, который соответствовал бы этим установкам, Ленин и его единомышленники получили результат, весьма далекий от первоначальных замыслов. Следуя Л. Гумилеву, общественно-политический строй, возникший в нашей стране, можно было бы назвать тоталитарной антисистемой⁷. Общее свойство антисистем состоит в том, что они антигомеостатичны и могут существовать, не разрушаясь лишь в течение ограниченных отрезков времени за счет колоссальной эксплуатации внутренних или внешних ресурсов. Что и происходило в действительности.

Следуя рекомендациям теории катастроф, необходимо выявить закономерности, или архетипы, которые в действительности обеспечивали функционирование коммунистической тоталитарной антисистемы. Странно, что наши обществоведы, подвергнув справедливой критике сталинский «основной закон социализма», уделили удивительно мало внимания выяснению реальных механизмов функционирования этой системы. С точки зрения теории катастроф, не решив этой задачи, невозможно правильно охарактеризовать ни переходные процессы, ни новое результирующее устойчивое состояние.

М. Восленский в своей знаменитой работе «Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза» предложил свой вариант основного закона «реального социализма». По его мнению, этот закон состоит в стремлении номенклатуры — господствующего класса в системе «реального социализма» — обеспечить максимальное укрепление и усиление собственной власти. Вряд ли можно отрицать такое стремление у нашей номенклатуры, или лиц, принимающих решения. Столь же верно и то, что этот архетип свойствен правящим слоям во всех социальных формациях вообще. А потому вопрос в другом: можно ли считать данный архетип единственным, а тем более основным для тоталитарной антисистемы «реального социализма»?

Думается, в принципе ошибочна тенденция выделения для характеристики социализма некоего единственного основного закона. Реальная структура социальной антисистемы, возникшей в результате октябрьского переворота и сталинских преобразований, отличалась многомерной топологией и сложными функциональными зависимостями. На различных этапах существования данной антисистемы ведущую роль среди этих закономерностей мог попеременно играть тот или иной архетип.

На начальном этапе такая роль, несомненно, принадлежала установке на мировую социалистическую революцию. Октябрьский переворот рассматривался его организаторами лишь как преддверие мировой революции. В преамбуле Конституции СССР 1924 года по рекомендации Ленина было записано: «Новое советское государство явится... новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Советскую Социалистическую Республику». Именно поэтому из названия страны — СССР — впервые в истории убрали упоминание географического признака, а на ее гербе изобразили земной шар, обвитый лозунгом коммунистической революции «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Следуя терминологии нашей теории, можно было бы созданную у нас тоталитарную антисистему назвать машиной мировых катастроф — она была нацелена на последовательное разжигание революционных взрывов в других странах. От этой цели коммунистическая партия не отказывалась никогда, менялись только формы и методы ее достижения. Нацеленность на «мировую революцию» в сочетании с «основным законом» (по Восленскому) привели к массовым репрессиям, воссозданию феодально-крепостнических, а отчасти даже рабовладельческих порядков, обнищанию населения, экологическому кризису.

Это разительное расхождение официально провозглашенных целевых устано-

⁷ См. Г у м и л е в Л. Н. Этносфера. История людей и природы. М., 1993, с. 494.

вок социалистического строительства и достигнутых результатов Питирим Со-рокин назвал законом социального иллюзионизма. Октябрьская революция, пишет он, ставила перед собой задачу разрушить социальную пирамиду неравенства и эксплуатации — вместо этого произошла перегруппировка социальных слоев. Внизу снова оказался простой народ, наверху новые властители. Эксплуатация только усилилась. Вместо обещанной свободы возникла власть *более* деспотичная, чем прежде. Вместо частного капитала сформировалась государственная сверхмонополия, управляемая номенклатурой. Вместо провозглашенных на словах федеративных принципов и автономии возникла жесткая централизация *. Сравнительно длительное существование тоталитарных антисистем вообще, а «реального социализма» в частности оказывается возможным в силу действия еще по крайней мере четырех законов. Первый из них — это *неизбежное формирование коллективистской этики*⁹. Все начинается с тезиса, который признается бесспорным: государственная необходимость важнее всего, для блага народа дозволено все. На деле эта коллективистская этика означает отрицание индивидуальной нравственности, моральную вседозволенность. Как совершенно справедливо отмечал еще З. Фрейд, этот примат массовой психологии ведет к тяжелым последствиям — резкому снижению интеллектуальной деятельности, духовной регрессии, развязыванию стадных инстинктов¹⁰.

Чтобы утвердить в массах принципы коллективистской морали, была создана мощная пропагандистская машина. Но если от населения номенклатура требовала неукоснительного соблюдения этих этических принципов, то самой себе она позволяла многочисленные послабления, что не мешало ей рассматривать идеологию как один из наиболее мощных ресурсов системы.

С интеллектуальным и духовным регрессом на фоне коллективистской этики связан второй из упомянутых законов — *закон «отрицательной селекции»*, или, по словам Сорокина, закон отбора шиворот-навыворот. В результате его действия всячески ущемлялись (вплоть до прямого физического уничтожения) лучшие слои населения и выдвигались «худшие», люди второго и третьего сорта. Сорокин утверждает: вследствие действия этого закона осуществляется искусственное подавление генофонда нации, к власти приходят далеко не лучшие ее представители.

Третий из этого ряда закон также подмечен Сорокиным: *интерес широких масс населения к коммунистически-социалистической идеологии находится в прямо пропорциональной зависимости от пицетаксиса*¹¹. Вероятно, именно в силу этого закона во времена советской власти постоянно сохранявшийся дефицит стал одной из движущих сил экономики.

И, наконец, последний в этом ряду законов, обеспечивающий устойчивость тоталитарной антисистемы (а по общему счету седьмой архетип ее функционирования), — это *безусловная антиэкологическая направленность «реального социализма»*. В распоряжении номенклатуры оказалась избыточная природа богатейшей страны мира. Нет необходимости напоминать, в каком состоянии она сегодня находится. И это не случайно: эксплуатация природы, проводившаяся в отсутствие эффективных обратных связей и с полным нарушением рациональных ограничений, следующих из теории катастроф, служила для номенклатуры важным резервом укрепления своего господства. Достаточно вспомнить печальную судьбу 200 млрд долл., вырученных от продажи на Запад нефти в годы брежневского «застоя».

Быть может, дальнейший анализ проблемы покажет, что этот перечень не полон и его следует продолжить. Но сказанного достаточно, чтобы утверждать: названные архетипы в их совокупности обеспечивали в течение многих десятилетий устойчивое существование *аттрактора*¹² «реального социализма». А

⁸ См. Сорокин П. А. Современное состояние России. «Новый мир», 1992, №№ 4—5.

⁹ См. об этом Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М., 1992.

¹⁰ См. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я». «Диалог», 1990, № 12.

¹¹ См. Сорокин П. А. Голод и идеология общества. «Квинтэссенция». М., 1990.

¹² Аттрактор — термин математической теории катастроф и синергетики, означающий установившийся режим движения. «Аттракция» означает притягивание. Свойство этого режима состоит в том, что он вследствие переходности процессов притягивает соседние режимы. В режиме аттрактора неопределенности развития минимальны.

когда подпитывающие его ресурсы оказались исчерпанными, наступила катастрофа. Между прочим, одно из следствий теории состоит в том, что предотвратить катастрофу оказывается невозможным, когда признаки ее приближения уже появились: процесс развивается слишком быстро, устойчивое состояние разрушается скачком. Лицам, принимающим решения, неплохо было бы иметь это в виду. Обратим также внимание еще на одну любопытную особенность комплекса архетипов антисистемы «реального социализма». Во многих своих чертах эти архетипы напоминают архетипы бывшей Российской империи, а отнюдь не функциональные закономерности, вытекающие из марксистского учения. Теория катастроф позволяет понять, в чем тут дело: прежний имперский аттрактор оказался очень устойчивым. Он смог оправдать свое название, «притянул» идеологические замыслы команды большевиков и в ощутимой степени с их помощью восстановил свое первоначальное состояние. Альтернативная идеология, на которую опирались большевики, вопреки их намерениям помогла преодолеть кризисные последствия бифуркации 1917 года и выйти на режим, являющийся прямым продолжением имперского аттрактора. Архитекторам современных преобразований очень полезно усвоить этот урок истории.

В режиме странного аттрактора

В результате катастрофы система скачком уходит со стационарного режима и перескакивает в иное состояние, которое может отличаться либо устойчивыми колебаниями, либо хаотическими движениями (странный аттрактор). Демонтаж существовавшей у нас системы был начат во время перестройки с отказа от бескомпромиссной конфронтации с Западом, с переходом от жесткого подавления любой оппозиции к гласности. Это сразу вызвало дисфункции в существовании исходного аттрактора.

Не приходится удивляться, что предпринимаемые М. Горбачевым и его окружением в течение семи лет попытки найти компромисс с целью стабилизировать положение путем «обновлений» социалистического строя и коммунистической партии не дали никакого результата. Напротив, к концу существования СССР ситуация окончательно вышла из-под контроля, а интенсивность процессов турбулизации в социуме достигла критической величины.

Два года существования независимой России не принесли радикальных перемен. Большинство упомянутых в предыдущем разделе архетипов тоталитарной) антисистемы продолжает действовать, но теперь уже в режиме странного аттрактора, поскольку возможности стабилизировать ситуацию за счет сверхэксплуатации природных, интеллектуальных и духовных ресурсов страны оказались исчерпанными. Если это положение не будет изменено, то прогноз дальнейшего развития событий отрицательный: распад России на регионы станет неизбежным.

Между тем сопротивление смене режима все время нарастает. Рассмотрим поэтому механизмы этого сопротивления со стороны действующих архетипов. Главный из этих механизмов — советские властные структуры.

Советы всегда выполняли роль инструмента диктатуры" партии или, как однажды образно выразился Сталин, ее приводного ремня. Не будь Советов, отмечал не так давно Горбачев, большевики не смогли бы победить ни в октябре 1917 года, ни в гражданской войне¹³.

Но если Советы создавались как инструмент диктатуры, то стремление сохранить их после ухода КПСС с политической арены может означать лишь одно: в стране есть силы, которым хотелось бы сохранить за собой опустевшее кресло диктатора. Эти силы известны — номенклатура, темные дельцы, мафиозные структуры. Похоже, их в наибольшей степени устраивала бы общественная система типа государственного капитализма. Однако эта система смогла бы

¹³ См. Горбачев М. С. Перестройка для нашей страны и для всего мира. М., 1987, с. ПО—111.

функционировать, лишь опираясь на набор, по существу, тех же самых архетипов, стабилизирующие возможности которых уже исчерпаны. Поэтому из теории одно-значно следует: надежды номенклатуры и ее новых союзников не более чем очередной миф. И если у кого-то и были сомнения в консервативной роли Советов, то они должны полностью рассеяться после кровавых событий 3—4 октября 1993 года в Москве.

Эти же события высветили также опасность, которую представляет для страны советская власть на местах. Длительное противостояние Верховного Совета и исполнительной администрации привело к тому, что активно пошел процесс перекачивания власти из центра в регионы. Этот процесс, безусловно, опасный для судеб страны, отражает противоречивые реалии: с одной стороны, в нем отразилась попытка оградить местное население от дальнейшего обнищания вследствие неразумной политики центра, но с другой — проявилось стремление местной номенклатуры укрепить собственные позиции в ущерб общероссийским интересам. Не менее опасно и то, что во многих случаях местная советская власть разыгрывала националистическую карту.

Весьма активно действуют и другие механизмы сопротивления. Один из них находился в руках Центрального банка России, который состоял в подчинении Верховного Совета. Руководство Центробанка почему-то увидело свою задачу не в укреплении финансовой системы, а в поддержке производства. Экономистам хорошо известно: бороться с инфляцией через рост производства невозможно — деньги уходят сразу, а производственный эффект достигается спустя большое время. Финансирование инвестиций за счет эмиссии губительно для страны, зато позволяет хозяйственным слоям номенклатуры держаться «на плаву».

Центробанк продолжал финансировать бывшие республики Союза. В годы перестройки было много споров о том, кто кого кормит — другие республики России или она их. Вот фактические цифры. В 1992 году Центробанк передал бывшим союзным республикам более 1,5 триллиона рублей — около 8% валового внутреннего продукта (ВВП). Для сравнения: в том же году бесплатная помощь бедным странам составила 0,17% ВВП США, 0,3 — Японии, 0,4% — Германии. Кредитование республик обеспечило России 22% общего объема инфляции¹⁴. При этом в фаворитах у руководства Центробанка — и, соответственно, Верховного Совета — оказались Туркменистан, Узбекистан и Казахстан, т. е. именно те ставшие независимыми республики, в которых позиции бывшей партийно-государственной элиты отличаются особой прочностью. Вряд ли такое предпочтение можно считать случайностью.

Еще одна линия сопротивления гибнущей антисистемы касается проблемы собственности. Рассмотрим эту важнейшую проблему на примере одного из ключевых производств — нефтяной промышленности. Вот мнение председателя совета директоров концерна «Гермес» В. Неверова. Извлечено уже 41 % нашей нефти. Износ основных нефтеперерабатывающих фондов достиг почти 100%. Необходимо совершенствовать технологию, увеличивать нефтедобычу и одновременно обеспечить экономию нефти на производстве. Для всего этого нужны, разумеется, инвестиции. «Но все это только в том случае, — подводит итог Неверов, — если наш парламент прекратит свои безумные атаки на программу приватизации». Единственный выход — акционирование предприятий топливно-энергетического комплекса¹⁵. Между тем летом 1993 года между Верховным Советом и Президентом вспыхнула просто «война» постановлений и указов по поводу приватизации. Верховный Совет делал все, чтобы сорвать этот процесс, им же, кстати, санкционированный лишь год назад.

Итак, сопротивление переменам со стороны антисистемы возрастает по многим линиям сразу. Причем это сопротивление персонифицировано — его оказывают централизованные властные структуры, советы всех уровней, местная номенклатура, руководители убыточных предприятий, берущих у государства больше, чем могут вернуть, некоммунисты и национал-демократы, не утратившие

¹⁴ См. Илларионов А. Сколько стоит дружба? «Известия», 16 сентября 1993. ¹⁵ См. «Аргументы и факты», 1993, № 34.

былого пыла отставные бойцы идеологического фронта. В тех же рядах состоят полууголовные коррумпированные и мафиозные элементы, которые хорошо овладели технологией получения высоких доходов в сложных условиях переходного периода.

Тоталитарная антисистема по-прежнему стремится сохранить самое себя, с готовностью идя на любые косметические и идеологические перестройки и пытаясь опереться на новых союзников — от темных дельцов-перекупщиков до мафии. Однако теоретический прогноз однозначен: ввиду отсутствия новых серьезных резервов из этих попыток ничего конструктивного не получится. А вот привести к развалу страны они могут.

Что за далью непогоды?

Ждет ли нас впереди блаженная страна, знать нам не дано. Зато в другом с поэтом надо согласиться: рассчитывать попасть туда могут только сильные душой. И, добавим, умные.

Можно ли, опираясь на выводы теории катастроф, получить рекомендации, как следует выходить из кризиса? Оказывается, можно. Один из ее разделов — математическая теория перестроек. Вот выводы (по В. Арнольду), следующие из этой теории и относящиеся к задаче перевода нелинейной системы из начального состояния, признанного плохим, в другое, которое будет хорошим и устойчивым.

1. Постепенное движение к хорошему состоянию на первом этапе приводит к ухудшению. Если это движение равномерное, то скорость ухудшения возрастает. Следовательно, предпочтительна «шоковая» терапия.

2. Оптимальный вариант перевода системы в лучшее состояние — скачком; если в результате ее удастся перевести достаточно близко к этому состоянию, то далее она будет сама эволюционировать к нему в силу свойства аттракции.

3. По мере движения от плохого состояния к хорошему сопротивление происходящим изменениям со стороны системы нарастает (тоже очень знакомо из нашей практики).

4. Максимум сопротивления достигается раньше, чем максимум ухудшения в процессе смены режима; после прохождения максимума сопротивления оно начинает уменьшаться и полностью исчезает при первых признаках улучшения. На языке теории это означает — система начинает притягиваться к лучшему состоянию. (Заметим между строк: этот вывод обнадеживает.)

5. Величина ухудшения, через которое необходимо пройти, переходя к лучшему состоянию, сравнима с финальным улучшением. Это тоже обнадеживает: получается, если нам сейчас так плохо, значит, потом будет настолько же хорошо.

Это объективные законы функционирования нелинейных систем. Разумеется, лица, принимающие решения, обладая свободой воли, могут не считаться с этими законами, как и с какими-либо другими. Особенно легко это делать в случае, если они не несут ответственности за свои решения. А вот стране и ее населению придется за подобные решения расплачиваться сполна.

Как обеспечить сохранение устойчивости при переводе системы в новое состояние? Вот простейший пример. Организация ловит рыбу в некоем бассейне. Стремясь получить больше прибыли, ее руководители наращивают квоту отлова. Когда отлов достигает некоторой критической величины, происходит катастрофа — малых случайных колебаний оказывается достаточно, чтобы популяция погибла. Рыбы больше нет. Что сделали бы умные руководители? Они приняли бы простое решение — ввели в систему обратные связи, иными словами, связали бы квоту с численностью популяции. И рыбное хозяйство благополучно процветало бы долгие годы.

Обратные связи — вот чего никогда не доставало советской тоталитарной антисистеме. Современные рыночное хозяйство и политическая система представительной демократии этими связями овладели вполне. Постигнут ли наши современные архитекторы общественно-политических преобразований эти простые истины — вот вопрос вопросов.

В теории катастроф есть важная теорема, или принцип, хрупкости хорошего.

Означает он следующее: все хорошее легче разрушить, чем плохое. Мы называем объект хорошим, если он удовлетворяет нескольким требованиям одновременно, но считаем его негодным, когда нарушается хотя бы одно из них. При этом, предупреждает В. Арнольд, по мере усложнения системы число потенциально опасных типов неустойчивостей возрастает, но остается конечным.

Вспомним в этой связи упоминавшийся в первом разделе принцип сложности, в силу которого процесс ноосферизации неизбежно сопровождается усложнением информационных и управляющих структур социума. Было бы ошибкой делать отсюда вывод о неизбежности численного роста чиновничества — речь идет о совершенствовании технологии обработки информации и принятия решений. Если в нашей стране после 1985 года численность номенклатуры, по некоторым оценкам, выросла на 20%, то здесь мы сталкиваемся не с объективной потребностью, а со стремлением этого слоя к самовоспроизводству.

Как с точки зрения теории осуществляется управление процессом перехода к новому состоянию? В каждой точке фазового пространства, в котором происходит эволюция системы, существует не один вектор скорости, а целое их множество. Задача управления состоит поэтому в том, чтобы в каждый момент выбрать из этого множества тот, который обеспечивает выход к цели за минимальное время. Это рассуждение выглядит почти тривиальным, но соответствующее ему математическое оформление простотой отнюдь не отличается.

А как обстоит дело с функцией управления этим переходом в нашей практике? В качестве основной ударной силы у нас здесь выступает правительство. Наша законодательная власть, как показала практика, пока так и не смогла избавиться от архетипов «реального социализма». Но приходится признать, что, к сожалению, и исполнительная ветвь власти в своей деятельности допускает немало просчетов.

В 1992 году правительство Е. Гайдара, в которое вошла команда первоклассно подготовленных молодых специалистов, начало проводить политику либерализации цен. Времени осуществить вначале разгосударствление промышленности не было — положение народного хозяйства было критическим. Рассчитывали, что либерализация цен наряду с ограничением кредитов разорит неэффективные предприятия и приведет к их переориентации. А в результате страна получит стабилизацию экономики и укрепление рубля как национальной валюты.

Но в жизни все пошло по-иному: цены, действительно, выросли, а вот не разорился никто. По стране прокатился девятый вал неплатежей. У многих предприятий не оказалось денег на выплату заработной платы. Рабочие начали бастовать. Увеличение дотаций потребовали аграрии. Свое веское слово в поддержку обиженных сказали Центробанк, вскоре развернувший печатание новых ассигнаций, и Верховный Совет. Правительству пришлось отступить от намеченного курса. В итоге начала быстро раскручиваться спираль инфляции, но производственный сектор остался в прежнем состоянии.

Перемен к лучшему пока так и не произошло. Основные фонды промышленности изношены на 60—100%. Не менее трети промышленной продукции убыточно. Налогообложение достигает 85%, а поэтому от 1/3 до 1/2 доходов всеми правдами и неправдами укрывается от налоговых выплат. Удельный вес России в мировой торговле не превышает 1%. Иностранские инвестиции в наше народное хозяйство ничтожны: меньше 0,1% мировых вложений капитала. Короче, положение отчаянное почти по всем направлениям.

Правительство пытается проводить курс жесткой экономии. Но за счет кого эта экономия достигается? Политику по отношению к научным учреждениям и вузам иначе как геноцидом не назовешь. Утратить тот высокий научно-технический потенциал, которым еще совсем недавно располагала страна, можно очень быстро. А вот на его воссоздание потребуются десятилетия. Проводить такую политику означает заранее планировать переход в разряд слаборазвитых государств второго сорта.

Другой источник правительственной экономии — ограбление наименее социально защищенных слоев населения (работники бюджетного сектора, пенсионеры, учащиеся). Инфляция обесценила многолетние накопления вкладчиков *t* сбербанках. Ваучеры, разрекламированные как способ возвращения государственной

собственности народу, на деле таковыми пока не стали. В то же время трудящиеся лишились многих социальных благ, которыми они могли ранее пользоваться.

Одновременно на непомерно высоком уровне сохраняются расходы на армию, на содержание быстро растущего аппарата чиновничества, на весьма многочисленный корпус представительных органов власти. Причины, по которым правительство не решается покуситься на эти круги, очевидны, но последствия такой близорукой политики могут оказаться грозными.

Общество интенсивно поляризуется по имущественному положению. В России возник сверхбогатый слой — около трех миллионов нуворишей. Это — руководители перекупочных фирм, банкиры, коррумпированные чиновники, главари мафиозных структур. Среди них практически нет руководителей производственного сектора. 30—35% россиян по статистике бедные, а 40—50% — самые бедные. Среднее сословие, наиболее многочисленное в развитых странах, у нас не превышает 10—15%¹⁶. Между тем хорошо известно, что именно средние слои — основной гарант общественно-политической стабильности. В нашей стране эти слои еще недавно существовали. Они объединяли квалифицированных рабочих, интеллектуалов, управленцев и др. Но сейчас многие из них опускаются на социальное дно. В результате в стране нарастает политическая напряженность, радикализируются общественные течения, противостоящие друг другу.

Если вернуться к рекомендациям теории катастроф, то приходится признать: правительство так и не смогло выбрать оптимальный вектор преобразований. При этом главная опасность, как я уже говорил, кроется в прежних архетипах антисистемы «реального социализма».

К новому аттрактору

Архетипы — антагонисты того нового аттрактора, о выходе на который как о конечной цели современных общественно-политических преобразований говорят их архитекторы, хорошо известны. Это закономерности рыночной экономики с сильным государственным сектором и представительной демократии. В общих чертах на этом сегодня сходятся большинство экономистов, социологов и политологов. В деталях расхождения весьма значительны, и чаще всего за этими расхождениями скрываются интересы различных социальных слоев.

Одна общая рекомендация теории состоит здесь в том, что выход на устойчивый режим нового аттрактора возможен только в случае, если его основные функциональные установки будут дополнены комплексом поддерживающих архетипов: блок законов, защищающих право собственности; антимонопольное законодательство; обеспечение прав человека и социальной защищенности; соблюдение экологического императива. Важным моментом является формирование ноэтических принципов¹⁷ в противовес нормам прежней коллективистской нравственности и хищнической морали первоначального накопления капитала.

Из принципа хрупкости хорошего следует, что половинчатые решения, уступки при формировании этого комплекса новых архетипов, которые стараются вырвать противники преобразований, скорее всего, приводят к тому, что выход на устойчивый режим нового аттрактора оказывается невозможным. Задача выхода на этот режим, которую сумели решить все развитые страны, не является новой для России. Именно ее пытались решить и реформаторы 60-х годов XIX века, и единомышленники П. Столыпина в начале XX века. Есть даже точка зрения, согласно которой подобные попытки сломать устойчивые архетипы российской политической системы имеют многовековую историю¹⁸. Из того же идейного арсенала заимствовали замыслы своих реформ Н. Хрущев и А. Косыгин. Ни в одной из названных попыток

¹⁶ См. Аоифджанов Р. Середняк превращается в бедняка. «Известия», 15 сентября 1993. ¹⁷ См. Лесков Л. В. Этопология космической эры. «Тезисы докладов международной конференции "Алтай. Космос. Человек"». Барнаул, 1993.

¹⁸ См. Янов А. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988.

окончательный успех так и не был достигнут, так как реформаторам не удалось преодолеть сил сопротивления прежней системы. В наиболее общем виде причины слабости сторонников реформ были во всех случаях одинаковыми: отсутствие прочной социальной базы реформ и эффективных обратных связей.

К сожалению, приходится признать, что оба названных фактора действуют и в наше время. Более того, недальновидная политика нынешних российских властных структур даже усугубила ситуацию: значительная часть прежних средних слоев россиян разорена и опустилась на социальное дно, а новые сверхбогачи заинтересованы, скорее, не в реформах, а в продолжении хаоса, дающего сказочные возможности для обогащения. В условиях эффективной рыночной экономики этих нуворишей, скорее всего, ждет печальная судьба: с настоящими производственниками большинство из них конкуренции не выдержит, а следственные органы, будем надеяться, выйдут, наконец, из привычного состояния спячки.

Трудности, которые предстоит преодолеть современным реформаторам, несколько не меньше тех, с которыми в полной мере так и не смогли справиться их предшественники. Из теории следует, какая стратегия в этих условиях является оптимальной. Первая стратегическая установка состоит в том, что должны быть *выкорчеваны архетипы прежнего квазиустойчивого имперско-большевицкого аттрактора*. Если эта задача не будет решена, очередной провал попытки выйти на новый режим гарантирован. Вопрос только в том, в каком идеологическом облачении и под чьими знаменами будет проведена контрреформа. Новоявленных специалистов по ее проведению сегодня более чем достаточно — неоккоммунисты, национал-демократы, новые правые сторонники «русской идеи» и др.

Вторая установка, также следующая из теории, состоит в том, что реформаторам необходимо *срочно изменить самоубийственную политику искоренения собственной социальной базы*. Если они не сумеют опереться на социальные слои, которые могут выиграть вследствие реформы, это неизбежно сделает их противники. Технологию подобных действий блестяще продемонстрировали большевики, которым удалось обеспечить поддержку или, в крайнем случае, нейтралитет даже тех социальных слоев, для которых большевицкие замыслы оказались в конечном счете губительными.

И третье. Наши реформаторы допускают еще один крупный просчет: у них практически полностью отсутствует *стратегическая концепция национального возрождения России*. Эту концепцию невозможно заменить ни популистскими призывами, ни выступлениями лидеров по телевидению, ни самыми заманчивыми обещаниями. У русского характера есть одна отличительная черта — *подъем национального духа в годину бедствий*. Концентрация усилий этого духа на концептуальных установках национального возрождения страны — вот реальный шанс, который нынешним реформаторам дает история.

И последнее. Допустим на минуту, что наши чаяния оправдались, нам удалось прорваться сквозь дали непогоды и бросить якорь в блаженной гавани рыночной экономики и представительной демократии. Переведа наконец дыхание, мы спросим самих себя: даст ли это нам основания предаться сладостным мечтаниям в стиле Ф. Фукуямы? Ни в малейшей степени. Вот что говорит по этому поводу теория: *для нового аттрактора будет характерен свой набор потенциально опасных неустойчивостей*. А из принципа компликативности следует, что это вообще обязательная особенность мирового процесса ноосферизации. Однако все эти вопросы — предмет особого разговора, который выходит за тематические рамки данной статьи.